

Н. АРТЮХОВА

МАРИНКА

ДЕТГИЗ-1948

Н. АРТЮХОВА

А 867

МАРИНКА

Рисунки Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград

1967-58-г.

260

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГ
ДЕТРИЗА

680490 КХ-рег 04.

Российская государственная
детская библиотека

— А у нас новенький! — кричал Володя Жуков своим друзьям из четвертого «Б». — Морозов, Саша. Вот он, рядом с Юркой стоит, видите? Его сегодня уже Николай Иванович спрашивал и пятерку по арифметике поставил!

Из-за спины лохматого, похожего на медвежонка Юры Борукаева потянулся за своей шубой худощавый мальчик в сером свитере. Он отошел в сторону, вынул из кармана

перчатки и уронил на каменный пол раздевалки что-то маленькое, пушистое, белое с розовым.

Юра Борукаев вытянул шею:

— А ну-ка, Жук, выуди мне эту штуковину!

Маленький и вертлявый Володя Жуков послушно хихикнул и ринулся головой вперед в самую гущу ребят.

Борукаев едва не вскрикнул от изумления и негодования: в руках у Володи была вязаная кукольная шапочка из розовой шерсти, с пушистым белым помпоном.

Мальчишка, четвероклассник, играющий в куклы... Невыносимо!

Юра надел розовую шапочку на свой кулак, хорошенько облизал его и нарисовал чернильным карандашом под шапкой презабавную рожицу.

Выбежав на крыльцо, Юра увидел, что из соседней школы в другом конце двора цветастым веером выходят девочки.

— Чем больше публики, тем веселее представление.

Аля Якушина, Женя Зайцева и с ними еще несколько знакомых девочек замедлили шаг, с любопытством и опасением поглядывая на ребят.

— Уж этот Юрка! Всегда что-нибудь придумает!

Саша Морозов спускался со ступенек крыльца.

Юра шел за ним, повторяя каждое его движение. Рука в розовой шапочке раскланивалась направо и налево, как петрушка, за Сашиной спиной.

Иногда Юра, бесшумно ступая в мягких валенках, подходил вплотную, и казалось, что человечек в розовой шапочке говорит Саше по секрету то в одно ухо, то в другое. Ребята шли рядом, давась от смеха, — девочки немного

поодаль. Саша Морозов почувствовал недоброе и обернулся:

— Отдай! Это Маринкина шапочка!

Но сказать Юре «отдай» — это еще не значило получить.

— Отдай сейчас же!

Саша бросился к нему. Володя Жуков услужливо подставил ножку.

В следующее мгновение Саша и Юра, сцепившись тесным комком, уже катились по снегу прямо под ноги старичку-учителю, выходившему из школы.

— Что за безобразие! — воскликнул тот. — Сейчас же прекратить драку! Да это мои, четвертый «А»! Борукаев, встань сию минуту, тебе говорят! А кто другой? Новенький? Ты что же это, Морозов, в школе тихоня тихоней, а за дверь вышел — думаешь, все можно делать?

— Николай Иванович, он не виноват, к нему Борукаев приставал! — вступилась Аля Якушина.

— «Борукаев приставал!» Мало тебе, Борукаев, что замечание в классе сегодня получил, ты еще на улице безобразничаешь! Что это у тебя? Кукла? С куклами в школу ходишь?

— У меня нет куклы, Николай Иванович. У меня рука. Видите? Это Морозов играет в куклы.

Саша Морозов вспыхнул:

— Это Маринкина шапочка, он у меня взял. Николай Иванович, велите ему отдать!

Ребята обступили учителя и Сашу.

— А кто такое Маринка? — спросил Николай Иванович, передавая шапочку ее владельцу.

Саша Морозов широко улыбнулся:

— Это моя племянница!

Таинственная Маринка заинтересовала всех, в особенности девочек.

— Почему она такая маленькая? — спросила длинноногая Соня Смирнова, когда они вышли на бульвар.

— А почему ты такая большая?

— Ты любишь свою племянницу? — спросила Аля Якушина.

— Очень люблю.

Саша пошел быстрее, девочки стали отставать.

— Куда ты торопишься? — крикнула Женя Зайцева.

Саша обернулся:

— Маринка ждет.

Девочки шли по бульвару, кричали и спорили.

— Она новорожденная, совсем грудная, — говорила Соня Смирнова.

— Не может быть! — кричала Женя Зайцева. — У меня у самой брат новорожденный, так ему эта шапочка на нос годится!

— Она карлица, — сказала Аля Якушина. — Уж я-то знаю!

— Карлица?!

Аля переплетала косу, ленточку пришлось держать зубами, поэтому она говорила невнятно.

— Уж я-то, девочки, знаю! Я с ними в соседнем доме... через двор. Их квартира напротив...

Все повернулись к ней.

Юра Борукаев и Володя Жуков шли по крайней дорожке, делали вид, что не обращают на девочек внимания, но с интересом прислушивались к разговору.

— Ты ее видела?

— Я-то не видела, мне наши девчонки рассказывали. Они, Морозовы, на той неделе к нам переехали... Эвакуированы были, а теперь назад... С чемоданами... И кого-то маленького в одеяле по лестнице пронесли.

— Она, Маринка! — ахнули девочки.

— Очень маленькая, Аля? Очень малюсенькая?

— Не знаю. Они вечером. Темно было, ничего не видеть.

С этого дня у Юры Борукаева прибавилось новое замечание по дисциплине, а Саша Морозов получил прозвище: «Маринкин дядя».

В субботу Саша Морозов попросил у Юры:

— Послушай, Борукаев, у меня нет учебника истории. Дай мне на воскресенье, а в понедельник я тебе принесу.

— Принесешь, Маринкин дядя, не надуешь?

В понедельник Саша в школу не пришел и учебника не принес. Юра забеспокоился. Правда, следующий урок истории был в среду. Но вдруг этот Маринкин дядя снова куда-нибудь уедет вместе с учебником?

После школы Юра отправился выручать свою историю.

Он знал большой серый дом, из ворот которого каждое утро, как бомба, вылетала Аля Якушина.

Юра вошел во двор. На ступеньках около двери сидел небольшой мальчишка хмурого вида и, завернув чулок, разглядывал ссадину на колене.

— Скажи мне, раненый боец, — обратился к нему Юра, — где тут у вас живут Морозовы?

— Это которые недавно переехали?

— Да-да.

— Это у которых девочка маленькая?

— Вот-вот! — оживился Юра.

— Второй этаж. Восьмая квартира.

Юра стал подниматься по лестнице, а мальчуган снова принялся разглядывать свою коленку, видимо не зная, зареветь ли ему и бежать к маме или продолжать прогулку.

Дверь открыл Саша Морозов.

— Ах, это ты! — сказал он приветливо. — Ты за историей? Извини, что я задержал. Сегодня соседка уходила, не с кем было оставить Верочку.

«Какую Верочку? — подумал Юра. — Ведь у него Маринка, а не Верочка».

— Мальчики, — слышался тоненький голосок, — не шумите в передней! Маринка спит.

— Зайди в комнату, сюда, направо, — понижая голос, сказал Саша.

Он бросился на кухню, где что-то шипело и пахло жареным.

Юра нерешительно вошел в полуоткрытую дверь. В комнате почти не было мебели. Налево от двери стояли сундук и несколько приставленных к нему чемоданов, прикрытых сверху пледом. Направо, из-за ширмы, высывалась походная «раскидашка». Единственный стол был притиснут куда-то в угол. У самого окна, освещенная бледным зимним солнцем, стояла детская кровать с опущенной сеткой.

Казалось, что все вещи в комнате стоят временно, случайно, что потом будет не так. Только уютная белая кровать у окна поставлена заботливо и надолго.

В кровати, высоко на пухлых подушках, лежала девочка лет пяти с беленьким лицом и серьезными глазами.

«Таких не бывает, — подумал Юра. — Точно нарисованная».

— Здравствуй, мальчик, — сказала она. — Как тебя зовут?

— Юра.

— А меня Верочка. Садись, поиграй со мной.

Юра опасливо сел на стул, подальше от кровати. Он считал, что все девочки, в особенности маленькие, — пискухи, ябеды и плаксы. Эта была приветливая и тихая.

— Ты что, хвораешь? — спросил он.

— Нет.

— Почему же ты лежишь?

— Я всегда лежу, — ответила она своим спокойным

голоском. — У меня ножки не ходят. Это у меня с детства.

Юра невольно посмотрел на тоненькие ноги, чуть приподнимавшие одеяло.

— Это от бомбы. В наш дом бомба попала и всю меня засыпала. Даже не сразу нашли, — прибавила она с гордостью.

— Ты это помнишь?

— Нет, не помню, — она снисходительно усмехнулась, — маленькая была. Это еще давно, еще в самом начале войны.

На одеяле лежали знакомая розовая шапочка и маленький, игрушечный будильник.

— Уже половина девятого! — тревожно сказала девочка, взглянув на часы. — Маринке пора вставать! Экая соня!.. Юра, разбуди ее, пожалуйста, только не испугай, и приведи ко мне. Ах да, ты не знаешь! Она спит за ширмой, на маминой кровати.

Юра шагнул за ширму, ища глазами загадочную Маринку.

Там лежала кукла, раздетая, прикрытая маленьким одеяльцем, а рядом с ней, аккуратно сложенные, платице, трусики и лифчик.

— Тебе куклу твою принести? — спросил Юра.

— Не куклу, а дочку, — поправила Верочка.

— Ну да, вот эту, с закрывающимися глазами.

— Дочка у меня только одна. Веди ее сюда. А если глаза у нее не откроются, стукни ее по затылочку, только не больно.

Юра неловкими, мужскими руками взял дочку поперек живота и положил ее Верочке на одеяло.

— Вот ее одежды, — сказал он. — А уж по затылочку ты сама стучай: я «не больно» стучать не умею.

— Эх, ты, — сказала Верочка, — неопытный! Разве так детей носят? Ведь она же маленькая! Ей три года.

На вид Маринка была гораздо старше своего возраста. Ее когда-то пышные волосы торчали редкими желтыми пучками, цвет лица был землистый и нездоровый. На правой руке нехватало двух пальцев.

Верочка надела ей трусики и лифчик. Потом, утомленная, откинувшись на подушку и доверчиво посмотрела на Юру:

— Надень ей платьице, Юра. Оно очень трудно надевается.

Юра густо покраснел, покосился на дверь и стал быстро натягивать платье, выворачивая кукле руки.

— Не так, не так! — говорила Верочка. — Ты руки сначала, а потом голову. Вот. Теперь застегни.

— Ну и кукла у тебя! — проворчал Юра. — Прямо сложный механизм какой-то. Того и гляди не тот винтик отвинтишь.

— У нее не винтики, а пуговицы, — кротко возразила Верочка. — И ты их не крути, а то оторвешь. Вот и оторвал!.. Ничего, ты возьми иголку и нитку, вон там, в ящичке.

— Что-о?! — воскликнул Юра. — Чтоб я ей пуговицу пришивал? Да я никогда в жизни иголки в руки не брал и не знаю, как это делается!

Саша вошел в комнату:

— Маринка проснулась? Очень хорошо, сейчас она будет есть суп.

— Она не хочет.

— Нет, она хочет. А если не хочет, уговори ее: ты мать.

— Пять ложек, — сказала Верочка.

— Десять!

— Нет, пять!

— Ну хорошо, четырнадцать, — сказал Саша.

— Ну, уж так и быть, четырнадцать.

Каждую ложку Саша подносил сначала к губам Маринки, потом давал Верочке.

— А это что-то очень уж много — четырнадцать! — страдальчески сказала девочка на девятой ложке.

— Ешь, Маринка, с хлебом ешь, поправляйся! — настаивал Саша.

Маринку кормили до тех пор, пока Верочка не проговорила с отчаянием:

— Она не может больше, ее стошнит!

Саша уступил:

— Ну хорошо. Теперь ей спать нужно.

— Она только что спала, Саша!

Саша взял кукольный будильник и быстро перевел стрелку.

— Они отстают. Уже три часа. После обеда детям нужно спать. Только, Верочка, возьми ее к себе, а то ей за ширмой скучно. И сама лежи тихо. Вот так. И ты закрой глаза. Маринка уже спит. Тише. Не шевелись.

Верочка обняла куклу тоненькой ручонкой и послушно закрыла глаза.

Саша заслонил ее от света и подошел к полке с книгами:

— Вот тебе учебник. Большое спасибо... Подожди, вместе выйдем.

Саша быстро оделся и заглянул в кухню.

— Анна Семеновна, — сказал он соседке, хлопотавшей около печки, — я сбегаю в булочную. Послушайте, пожалуйста, Верочку — она спит.

— Хорошо, хорошо, — отвечала та.

— Что она, эта толстая, Верочку не обижает, когда ты уходишь? — спросил Юра.

— Зачем? Она добрая. Нашу Верочку все любят.

Мальчики вышли во двор и остановились у ворот.

— Саша, она такая и останется? — сказал вдруг Юра сдавленным голосом.

Саша нахмурился и завертел веревочную сетку.

— Не знаю... Мы для того и в Москву вернулись, чтобы ее лечить. Ее уже разные профессора смотрели. Ведь три года прошло.

— А вы с кем, с мамой приехали?

— С мамой.

— А отец у тебя есть?

— Папа на фронте.

— Вот и мой тоже... — Помолчав, Юра прибавил: — Ну, да ничего, теперь это все скоро уже кончится.

Саша вздохнул.

— Тебе сюда, Юра? А мне направо. Приходи.

На другой день в школе, когда Володя Жуков назвал Сашу Маринкиным дядей, Юра сказал сурово:

— Брось! Надоело.

И повернулся к Саше:

— Морозов, ты, кажется, один на парте сидишь? Ничего не имеешь против, если я к тебе перейду? Мне этот Жук все уши прожужжал. Надоел хуже горькой редьки.

— Садись, я очень рад, — ответил Саша.

Обиженный Володя Жуков вскочил на парту и закричал:

— Слышали новость? Юрка Борукаев женится на карлице, на морозовской племяннице! Вон они рядом сидят, будущие родственнички! Маринкин дядя и Маринкин жених!

Володя немедленно раскаялся в своих словах: характер у Юры Борукаева был вспыльчивый, а «стукать не больно», как нам уже известно, он не умел.

В конце четверти Саша опять пропустил два дня.

— Ребята, — сказал Николай Иванович, — кто знает адрес Саши Морозова и может узнать, почему он не ходит в школу?

Маленький мальчишка на передней парте уже начал краснеть и поднимать руку, но Борукаев быстро сказал:

— Николай Иванович, я пойду.

Соседка открыла дверь и исчезла в кухне.

Юра постучал в комнату Морозовых, ответа не было. Он постучал еще, потом приоткрыл дверь и остановился, пораженный.

Верочкина кровать, пустая и аккуратно постланная, стояла на прежнем месте. Саша сидел в углу и плакал, положив на стол голову и локти.

Юра посмотрел на сундук, заглянул за ширму.

Верочки не было.

Юре стало страшно. Ему захотелось уйти и ни о чем не спрашивать. Наконец он собрался с духом и подошел к столу. Он чуть не споткнулся о половую щетку. Кучка мусора на полу хрустела у него под ногами.

— Саша, ты о чем?

Саша вздрогнул, вскочил со стула и, прикрывая рукой лицо, отошел в проход между стеной и ширмой.

— Что у вас случилось? Где Верочка?

— Она... в больнице.

— Что с ней?

— Ей... делали... операцию...

Саша говорил с трудом и останавливался после каждого слова.

— Ну и что?

— Доктор... говорит... что она... будет ходить!

— Саша, я не понимаю, ведь это же хорошо, ведь это замечательно!

Саша молчал и раскачивал рукой ширму.

— Да расскажи толком, что случилось! — резко сказал Юра.

— Маму... отпустили со службы... поехала за Верочкой... Скоро привезет... а я... стал прибирать комнату... и... разбил Маринку!

Саша исчез за ширмой. Заскрипела складная кровать.

Юра сердито прошелся по комнате.

— Совсем разбил? Склеить нельзя?

Судорожно поскрипывала складная кровать, тряслась ширма. И больше — ни звука. Повидимому, Саша спрятал голову под подушку. Юра опять наступил на кучку белого мусора и понял, что склеить нельзя.

На столе он нашел безголовое Маринкино туловище, пучок волос и кусочек голубого глаза.

— Сашка, брось! — сказал он. — Мы купим новую куклу.

Саша заговорил, уже не сдерживая рыданий:

— Ты... не знаешь Верочку! Она — только одну!.. Дру-

гих не хотела... Она ее как ребенка... Без Маринки ни есть не будет, ни спать! Как приедет — спросит: «Где Маринка?» Она и в больнице без нее скучала! Она заболит!..

— Глупости! — крикнул Юра. — Теперь она будет ходить как другие ребята, она забудет про куклу.

— Так ведь это же не сразу! Ей еще долго лежать... Постепенно... Доктор сказал — не волновать!..

— Саша, а если к этому туловищу новую головку приделать?

— Она заметит... Ведь у Маринки и волосы были лысые и нос облупленный!

Юра подумал с минуту.

— Заметит... Еще бы не заметила!.. Другого такого экземпляра... Сашка, постой, а мы ей скажем, что Маринка тоже была в больнице и очень поправилась. После операции такая стала!

Саша тоже помолчал, потом спросил уже другим голосом:

— А где они продаются?

— Иди сюда, садись, поговорим.

Саша стал сморкаться.

— Сейчас.

— Выходи, не буду я на тебя смотреть, очень ты мне нужен!

— Ну, я сейчас...

Саша вышел из-за ширмы и сел на сундук, спиной к Юре.

— У меня и денег нет...

— У меня есть! — Юра похлопал себя по карману. — Идем!

— Юра, я не могу уйти, ведь они скоро приедут...

— Хорошо, оставайся, придержи тут все, умойся холодной водой и жди меня. Туловище спрячь, я его не возьму. Дай мне эту розовую шапочку, чтобы не ошибиться, не купить какую-нибудь великанскую голову... А если они придут раньше, скажи, что Маринка еще из больницы не вернулась. Я в два счета... Не унывай, Сашка!

— Скажите пожалуйста, кукольные головки у вас есть?

— Нет, — скучным голосом ответила продавщица.

— А где их можно достать?

— Не знаю.

Юра вздохнул. Это был четвертый игрушечный магазин.

— А вообще-то они продаются, с закрывающимися глазами головки?

— Нет. Если бывают — только простые, глиняные.

— А целые куклы с закрывающимися глазами?

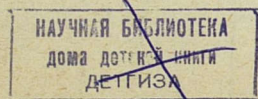
— Да что ты, мальчик, не продаются теперь такие! Видишь же ты, что только матерчатые есть!

Юра стоял у прилавка и с ненавистью разглядывал нарядных, улыбающихся кукол. И кому они нужны, бесполезные, с нарисованными глазами и противными приплюснутыми носиками! Еще какие-то собачки и зайчики торчат в каждом магазине... Так и расшвырял бы этих зайцев!

Он выбежал на улицу. Куда идти? Направо? Налево?

Аля Якушина покупала линейки и выбирала точилку для карандашей. Дверь магазина распахнулась, Юра Борукаев ворвался с пылающим лицом и бросился в игрушечное отделение.

— С закрывающимися!.. то есть... вы можете? То есть

скажите, где можно купить куклу с закрывающимися глазами?

Повидимому, он так часто повторял эту фразу, что уже стал заговариваться.

Продавщица ответила ему что-то. Юра растерянно посмотрел на тряпичных кукол, повернулся к двери и встретился глазами с Алей. Аля съежилась и хотела стать совсем незаметной.

— Стой, Алька! Тебя-то мне и нужно.

У Юры был какой-то дикий взгляд. Аля отступила на несколько шагов.

— Алька, ты девчонка — ты должна знать! Где можно купить куклу с закрывающимися глазами? Только быстро! В одну душу, через полчаса!

— Нигде не купишь, — ответила Аля. — До войны сколько хочешь было, а теперь не делают таких. Теперь только тряпичные.

— Ну, все-таки где-нибудь?..

Аля задумалась.

— Разве что случайно на рынке кто-нибудь свою продает... Юрка, постой! В комиссионном магазине... Я же видела! Давно это было, наверно уж продали. Там еще, Юра, пупсик был целлулоидный, с кроваткой, до чего ж хорошенький! С приданым... распашоночки... Купи лучше пупсика!

— А ну его, пупсика! — крикнул Юра. — Где магазин?

— Недалеко. Знаешь, на углу...

— Никакого я угла не знаю! Веди меня, Алька, и не вздумай улизнуть. Показывай, где магазин.

Никакая сила не могла бы теперь заставить Алю улизнуть. Юра Борукаев, покупающий куклу, — это было слиш-

ком необыкновенное зрелище, чтобы можно было от него отказаться.

Юра делал такие огромные шаги, что Але приходилось почти бежать рядом.

— Только знаешь, Юра, они очень дорого... Я не знаю сколько... но ведь в комиссионном... И теперь же таких не делают.

— Кто говорит о цене? Дирекция не останавливается ни перед какими расходами!

Они вошли в комиссионный магазин. Аля бросилась к прилавку...

— Нет уже! Вот тут стояла... Значит, продали! Как досадно... Юра, Юра, пупсик остался! Юра, смотри, ты можешь купить пупсика!

Юра снял шапку и вытер платком лоб. Медленно подошел к продавщице.

Кругом — веселый винегрет из дамских туфель на высоком каблуке, часов, шелковых кофточек и чашек с голубыми цветочками.

— Скажите, — спросил Юра солидно, — у вас продавалась кукла с закрывающимися глазами? Вот эта девочка видела.

Продавщица оглянулась на кроватку с пупсиком.

— Нет ее. Они рядом лежали. Значит, продали. Если хочешь, мальчик, возьми пупсика. Показать?

Юра махнул рукой:

— Не нужно!

Другая продавщица, заинтересовавшись необычными покупателями, подошла и спросила:

— Что они хотели купить?

— Куклу с закрывающимися глазами. Не видно ее что-то. Должно быть, без меня продали.

— Да вот же она лежит!

— А я и не заметила... Мальчик! Мальчик!

Желтоволосая кукла щелкнула над прилавком голубыми глазами.

Юра споткнулся о коврик около двери, подбежал к продавщице и лихорадочно спросил:

— Сколько стоит? — Он вытащил из кармана Маринкину шапочку, примерил кукле. — Точно!

Эта кукла казалась Маринкиной младшей сестрой, пожалуй даже дочерью, если не внучкой.

— Сколько?

Продавщица долго разглядывала билетик, подвязанный к кукле.

Услышав цену, Юра крякнул и положил куклу на прилавок.

— Я сейчас схожу за деньгами, у меня нехватает. Отложите мне ее.

Продавщица ответила равнодушно:

— Принесешь деньги и возьмешь.

— Алька, останься здесь! Держи ее, прямо из рук не выпускай. Я очень быстро!

Но не выпускать из рук было невозможно. Продавщица преспокойно взяла куклу и поставила ее за собой на полку, прислонив к дамской меховой шубе. Веселая куколка в розовом платье казалась особенно красивой рядом с черным мехом.

Копилка с глупой кошачьей мордой. Щель узкая, деньги не вытряхиваются. Юра с сердцем стукнул копилкой о стол.

Бабушка, задремавшая было в кресле, вздрогнула:

— Юрочка, ты что?

Юра поспешно пересчитывал деньги. Положил в карман, подошел к бабушке.

— Бабушка! — сказал он. — Через неделю мое рождение, папа написал, что посылает мне деньги. Мне не нужно никаких подарков, дай мне сейчас двадцать два рубля двенадцать копеек!

— Зачем тебе деньги, Юрочка? Или ты фотоаппарат нашел?

— Отставить фотоаппарат! У девочки ноги больные... кукла без головы... Потом расскажу. Бабушка, дело идет о жизни и смерти!

Бабушка искала в кошельке.

— У меня только тридцатки, Юрочка!

— Сдачи принесу! — крикнул Юра, зажал в кулаке деньги и бросился к двери.

— Без головы! Батюшки, страсти какие! — шептала бабушка, трясущимися руками собирая со стола кошачьи осколки.

Уже по растерянному лицу Али Юра понял, что в его отсутствие случилось что-то непоправимое. Куклы не было на полке. Она лежала на прилавке рядом с целлулоидным пупсиком и пупсиковой кроваткой. Что-то еще было навалено поблизости, шелковое и меховое.

Перед прилавком стоял плотный, небольшого роста майор с лицом густого кирпичного цвета и разглядывал игрушки, видимо затрудняясь, какую выбрать.

Из-под распахнутой шинели (долго, должно быть, выбирал, жарко ему стало) виднелось такое количество орденов, что даже взрослого человека невольно охватывало любопытство пересчитать: да сколько же именно?

Но Юра не смотрел на ордена. Он отстранил от прилавка Алю, яростно сказал: «Эх, ты!» — и положил руку на куклу.

— Эта кукла продана, — сказал он самым своим решительным голосом, — вот деньги, — и подвинул к продавщице смятую кучку пятирублевок и трешниц — бабушкину тридцатку сверху.

Но если майор перед приходом Юры еще колебался, какую ему купить игрушку, — увидев соперника, он сейчас же понял, что брать нужно именно куклу с закрывающимися глазами.

— Па-а-звольте, молодой человек, — сказал он раска-

тистым басом, — эта кукла не продана, она продается. И покупаю ее я... Будьте добры, — обернулся он к продавщице, — выпишите мне чек.

— Товарищ майор, — воскликнул Юра, — возьмите пупсика! Я вас прошу, возьмите пупсика! Ведь вам все равно! Вы посмотрите, у него распашонки есть! И кровать, и

все приданое! Посмотрите, какой он хорошенький! Ну, вот спросите девчонку: что интереснее? Алька, что же ты молчишь?

— Возьмите пупсика! — робко пискнула Аля. — Смотрите, какой он хорошенький! — Она положила пупсика на кровать и прикрыла одеяльцем.

Майор нерешительно посмотрел на Юрино взволнованное лицо, потом на продавщицу.

— Сколько лет вашей дочке? — спросила та.

— Три года.

— И вы хотите покупать ей эту быющуюся? — ахнул Юра. — Товарищ майор, она погибнет в первый же день. Вместо радости будет сплошное огорчение! И глаза выскочат и все — начисто! Уж я-то знаю, как это делается. Один мусор на полу — и крышка!

— Для трех лет я тоже посоветовала бы вам взять пупсика, — поддержала продавщица.

Майор посмотрел на вытаращенные глаза пупсика и еще раз щелкнул кукольными закрывающимися.

— Товарищ майор, ведь вам все равно! А мне в одну душу вот эту, с захлопывающимися глазами... Сейчас привезут из больницы... Ноги больные. Нервное потрясение. Доктор сказал — не волновать... Разбили голову... Вы понимаете? — Юра повторил, как бабушке: — Товарищ майор, дело идет о жизни и смерти!

— Постой, постой, ничего не понимаю... Кого разбили? Кого привезли?

— Не привезли еще... сейчас привезут... ребенка больного! Любимая игрушка погибла!

— Ну и сказал бы сразу, чудака: для больного ребенка. А ты мне тысячу слов в одну секунду... И о жизни и о

смерти!.. Ладно, забирай свою красавицу, а я возьму пупсика.

Юра бросился к кассе, заплатил деньги, схватил куклу, надел ей розовую Маринкину шапочку и выбежал из магазина.

Аля поспешила за ним.

Выйдя за дверь, Юра сунул в карман оставшиеся деньги, зажал куклу между колен и с видом тигра, разрывающего добычу, обеими руками потянул куклу за голову.

Что-то лязгнуло, хрустнуло, выскочила какая-то закрученная проволочка. Голова в розовой шапочке осталась в руках у Юры.

Аля Якушина ахнула и, зажмурившись, села прямо на тротуар.

Юра деловито поковырял пальцем в дырке, щелкнул резинкой...

— Ага. Понятно... Н-а, — сказал он Але, сунув ей в руки обезглавленную куклу, — бери. Может быть, пригодится в хозяйстве.

Из двери магазина вышел майор с большим пакетом подмышкой.

Аля вставала, отряхивая шубку от снега.

Майор сочувственно посмотрел на куклу.

— Уже разбили! — сказал он. — Действительно, непрочная игрушка.

Звонок!

Мальчики вздрогнули, как преступники, застигнутые на месте убийства, и подняли головы от стола.

— Они! — сказал Саша. У него сразу осунулось лицо и глаза стали жалкими. — Я открою.

— Брось! — Юра остановил его за плечо. — Пускай ваша толстуха откроет. Дай какую-нибудь ленточку, мы завяжем кругом шеи. Потом приделаем получше.

Сашу не слушались руки, он не мог завязать бант.

— Завязывай скорее! — шипел Юра. — Я бы сам завязал, да не умею бантом... Ленточки ваши!..

Стукнула дверь.

В передней раздался знакомый тоненький голосок:

— Здравствуйте! Вот и мы... А где Маринка?

Мама вошла в комнату с Верочкой на руках.

— Маринка, мы с тобой скоро ходить будем! Где она?

— Вот она... Посмотри, Верочка: Маринка тоже была у доктора — и как он ее хорошо вылечил! Она очень хорошо кушала — посмотри, какие щечки румяные!

Саша говорил веселым голосом, Юра делал маме выразительные знаки.

Верочка, откинувшись на подушку, разглядывала куклу. Ее лицо было серьезно и строго. Она провела рукой по волосам куклы, недоверчиво потрогала щеки, потом подняла правую руку с отбитыми пальцами. Двух пальцев нет... И ноги болтаются, как прежде... Верочка пощупала знакомое платьице, туфли... Потом снова почти с ужасом посмотрела на изменившееся лицо.

— Она там, в больнице, выпалась хорошо, — подскочил Юра: — теперь просыпается без подзатыльников!

— Смотри-ка! — Саша взял куклу: — Маринка, проснись!

Он поднял куклу. Она открыла глаза.

— Вот так здорово! — хохотал Юра. — Сама проснулась!

Верочка засмеялась тонким смехом и обняла куклу:
— Маринка, как ты поправилась! — Потом потрогала
отбитые пальчики. — Хорошо бы ей ручки и ножки поле-

чить... — прибавила она нерешительно и посмотрела на всех: на маму, на Сашу и на Юру.

— Вылечим! — крикнул Юра и завертелся по комнате на одной ноге.

Аля Якушина подошла к школе раньше всех. Она оставилась около двери и держала с растерянным видом туго набитый портфель. Увидела у ворот Соню Смирнову, кинулась к ней:

— Соня, иди сюда! Слушай секрет!

Соня заранее вытаращила глаза и приготовилась ахать.

— Юрка Борукаев — совсем ненормальный! — шептала Аля. — Вчера купил куклу с закрывающимися, жутко дорого, в комиссионном, надел ей розовую шапочку, ну, морозовскую, ту самую, вышел из магазина, голову ей оторвал, а ее саму мне дал. Честное пионерское. Смотри!

Приоткрыв портфель, Аля дала Соне заглянуть внутрь.

— И теперь я не знаю, что делать. Выбрасывать жалко, а без головы зачем она мне?

— Аля, послушай... — раздался над головами девочек таинственный шопот.

Аля и Соня отпрянули в сторону и завизжали так, что проходивший мимо Николай Иванович строго сказал:

— Борукаев, я тебя отправлю к директору!

— Николай Иванович, за что? Ведь они сами визжат, ведь я же их не трогал! — смиренно возразил Юра.

Николай Иванович погрозил пальцем и ушел.

Юра опять шагнул к девочкам. Вид у него был просительный, почти умоляющий.

— Аля... Не визжите только!.. Я тебе зря тогда туловище отдал — мне оно самому очень нужно. Дай, пожалуйста!

Аля вздохнула с облегчением и засунула обе руки в портфель:

— Держи! Мне она всю ночь снилась, безголовая!

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге, присылать по адресу: Москва,
Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

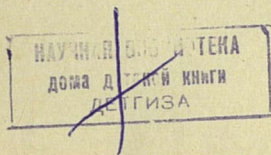
ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Л. Гульбинская.
Художественный редактор П. Суворов.
Технический редактор В. Голубева.
Корректоры Е. Балабан и А. Враныч.
Сдано в набор 11/VIII 1948 г. Подписано к
печати 10/IX 1948 г. 2 печ. л. (1,27 уч.-изд.
л.). 26784 зн. в п. л. Тираж 30 000 экз.
A08339. Заказ № 359. Цена 80 коп.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушецкий вал, 49.

860

Цена 80 коп.

250 =